

Ирина Муравьева

Сирота Коля

*Часть сборника
Любовь, или Пускай смеются
дети (сборник)*

Ирина Муравьева

Сирота Коля

«ЭКСМО»

2015

Муравьева И. Л.

Сирота Коля / И. Л. Муравьева — «Эксмо», 2015

«Директор сказал, что мама, отец и бабушка Лариса Владимировна заберут его в среду вечером. Значит, осталось еще три дня. Воскресенье, понедельник, вторник. Среда не считается, в среду его заберут. Они ему не наврали. Они его искали и нашли. А тогда шел сильный снег. Бабка, дура, пошла в магазин. Он спал, годовалый пацан. Чужая баба (он видел перед собой пьянчужку с заклеенным глазом, которая вечно торчала на автобусной остановке) украла его из коляски. Унесла к себе в Подмоскowie. Мать с отцом плакали. Бабка, наверное, тоже. Искали его, бегали, аукали. Теперь нашли через восемь лет. Заберут к себе. В цирк будем ходить. В детский театр....»

© Муравьева И. Л., 2015

© Эксмо, 2015

Ирина Муравьева

Сирота Коля

© Муравьева И., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

– Ну, вот вам наш Николай, – сказал директор и подтолкнул его к сидящим на диване.

Их было трое: старуха, молодая и мужик. У мужика был яркий галстук. Все они вскочили. Молодая крепко, словно утюгом, погладила его по голове очень горячей ладонью. Колька так низко опустил глаза, что они заболели.

Старуха сказала:

– Ну, давай, Коля, знакомиться. Это твои родители, а я твоя бабушка. Лариса Владимировна.

Колька громко сглотнул слюну, но глаз не поднял.

– Ты не стесняйся, Николай, – прогудел директор, – ты поговори с мамой, с отцом. С бабушкой познакомься. А я пойду на урок, меня ждут. – Он прокашлялся и вышел.

Директор был ничего. Он не дрался, не напивался при всех, а прошлым летом привез в детдом ведро клубники – на даче у него выросла клубника. Ее съели, не успев почувствовать вкуса. Потом все ходили с красными рожами, как в крови.

– Ну, Николай, – громко сказал мужик в ярком галстуке, – что ж ты на нас и не посмотришь? Садись рядом, давай поглядим друг на дружку, познакомимся...

– Ты, Коля, не бойся, – перебила его старуха, – мы тебя не съедем, мы тебя искали, ждали...

Молодая молчала. У Кольки так тяжело и противно стучало внутри, что они, наверное, слышали этот стук.

Мужик подтянул его к дивану, Колька вжал голову в плечи и боком сел между молодой и старухой.

– Не запугивай его, Леня, – прошептала молодая и опять погладила его по голове очень горячей рукой, – мальчик не привык...

Колька решил и поднял глаза. Сначала все показалось ему красным, потом ярко-зеленым. Когда краснота и зелень исчезли, он увидел этих троих словно через лупу. У молодой было испуганное лицо с выпуклыми черными глазами. Она была похожа на козу. И ресницы как у козы, и ноздри. Кудрявая, волосы черного цвета. У бабки – красные щеки, нос – пуговкой. Мужик – широкоплечий, с большими руками, сзади из-под ворота рубашки торчат густые волосы.

«Лето, – подумал Колька, – а он как в шубе парится...» И опять опустил глаза.

– Мы – твои родители, Коля, – сказал мужик, – мы тебя потеряли, когда ты был годовалым.

Колька знал, что все они говорят одно и то же. Когда на прошлой неделе толстая тетка в туфлях с блестящими пряжками пришла за Катей-дармоедкой, она тоже наплела, что потеряла ее, когда Кате был год.

– Тебе был год, Коля, – отчетливо сказала молодая, похожая на козу. У нее был громкий, резкий голос. – Шел сильный снег. Бабушка оставила тебя спящего в коляске. И зашла в магазин. Когда она вышла, тебя в коляске не было.

– Почему? – спросил Колька.

– Украл! – вмешалась бабушка. – Украл, Коля! Одна женщина, у нее не было своих детей, она тебя украла и переехала с тобой жить в Подмоскowie. А потом сдала тебя в детский дом как своего собственного сына. Но мы тебя разыскали.

– А откуда вы знаете, что это я? – спросил Колька.

Внутри у него по-прежнему сильно стучало, но надо же было разобраться.

– Ты, ты! – заговорили они разом. – Можешь не сомневаться! Хотя ты и изменился за восемь лет, взрослым совсем стал, но мы тебя узнали, а вот ты нас...

И они опять погладили его, потрепали, похлопали.

– Вы что, меня к себе жить заберете? – спросил он, и стук внутри остановился.

– А как же! – быстро сказала бабка. – Ты будешь жить дома и в школу хорошую пойдешь, мы будем вместе читать, ходить в кино, в цирк. Ты любишь цирк?

– Люблю, – хрипло сказал Колька. – Я по телевизору видел, у нас телевизор новый.

Телевизор был не новый, а старый, но все называли его новым, потому что директор отдал свой собственный взамен того, который какой-то крутой подарил детдому. Тот действительно был новым. Колька видел огромный ящик, который привезли на машине, и потом он целый день стоял рядом с директорским кабинетом. А вечером директор увез его к себе. Но зато теперь у них все-таки был телевизор, и детдомовские хвалили директора. Он ведь мог и старый не отдавать, и новый себе взять. Что, его поймают, что ли?

– Ну, вот видишь, – сказала молодая и заулыбалась, – цирк ты любишь. А в детский театр хочешь пойти?

– Если отметки будут хорошими, – перебила настырная бабка, – все зависит от успеваемости.

Мужик в густой волосатой шубе под рубашкой захохотал и погрозил Кольке пальцем.

– Не советую тебе, Коля, халтурить, не советую!

– Вы меня сейчас заберете? – спросил Колька, не поднимая глаз.

– Сейчас не получится, – ответил мужик, – документы нужно оформлять, то да се. Но ты не волнуйся! Никуда мы не денемся!

Ночью Колька не мог заснуть. Страх и радость были такими огромными, что давно перестали уместаться в нем и заполнили сначала комнату, потом коридор, потом полезли на улицу и захватили не только все дома и спящих в них людей, но даже тот кусок неба со звездами, который был виден ему через форточку.

Посреди ночи пьяный Скворушка задышал в лицо перегаром.

– Ну, говнюк малолетний! – прошептал он. – Пропили тебя? Теперь держись! Я тя!.. – Он выругался и больно крутанул Кольку за ухо. – Иди, говнюк малолетний, туалеты чистить! А то вы там блюете, говнюки, а Степан Евгеньевич подтирай?

Он вытащил его из постели левой здоровой рукой. Правая – короткая, отсохшая, в черной кожаной перчатке – болталась в полупустом рукаве.

Идти надо было через кухню и длинный коридор. В кухне мертво чернели пустые котлы. На столе блестел замороженный кусок масла. Колька сглотнул слюну.

Скворушка нарочно привел его в девчончью и сунул в руки осколок бутылочного стекла.

– Отскребай, говнюк! Чтоб ни пятнышка!

Носком башмака показал на линолеум с присохшими потеками. Колька привычно стал на колени и начал скрести. Из большого пальца сразу же потекла кровь.

– Чтоб мне ни пятнышка! – заорал Скворушка и приложил ко рту начатую бутылку. Закинул мохнатый кадык. – Чтоб мне ни пылинки, сирота казанская!

Колька скреб изо всей силы. Кровь лилась на пол.

– Слизывай! – заорал Скворушка и стал багровым от злости. – Пачкаешь тут дерьмом своим! А ну, слизывай! Хирургию устроил!

* * *

Директор сказал, что мама, отец и бабушка Лариса Владимировна заберут его в среду вечером. Значит, осталось еще три дня. Воскресенье, понедельник, вторник. Среда не считается, в среду его заберут. Они ему не наврали. Они его искали и нашли. А тогда шел сильный снег. Бабка, дура, пошла в магазин. Он спал, годовалый пацан. Чужая баба (он видел перед собой пьянчужку с заклеенным глазом, которая вечно торчала на автобусной остановке) украла его из коляски. Унесла к себе в Подмоскovie. Мать с отцом плакали. Бабка, наверное, тоже. Искали его, бегали, аукали. Теперь нашли через восемь лет. Заберут к себе. В цирк будем ходить. В детский театр.

В воскресенье утром по телевизору показали фильм «Дикая собака динго». После фильма у детдомовцев было плохое настроение: хотелось сломать что-нибудь, разбить, поколотить друг друга. Плакали здесь редко и за слезы ненавидели. В восемь вечера дежурные учителя заперлись в директорском кабинете, откуда захрипела Алла Пугачева, зазвенели стаканы, а потом дверь отворилась, выскочил Скворушка, без пиджака – отсохшая кулья наружу, – и заорал, брызгая слюной во все стороны:

– Спать всем быстро! А ну всем спать, говнюки малолетние!

Детдомовские присмирели, со Скворушкой никто не связывался. Только Тамарка-бакинка близко подошла к нему, моргая своими подслеповатыми, мохнатыми, как пчелы, глазами, и выдохнула срывающимся басом:

– А ну, отвернитесь! Не видите, мы раздеваемся?

А посреди ночи из девчоночьей комнаты донесся лай, вой, крик, кто-то визжал, захлебывался. Прибежали дежурные по интернату: Аркаша-Какаша и Тоня Недорезанная, а за ними вдрызг пьяный Скворушка в штанах, мокрых от вина. Тамарка-бакинка плавала в крови, раздирала на себе короткую ночную рубашку с клеймом на животе и, дико выпучив лошадиные белки, кричала «а-а-а», потом переходила на визг и лай, набирала воздуха и опять кричала. Тоня бросилась вызывать «Скорую», а Какаша начал выпихивать в коридор детдомовских. Наконец подъехала «Скорая», прибежали два парня в халатах поверх пальто, втащили носилки. Кровь из Тamarки хлестала так, словно в ней открылся кран.

Вся простыня, одеяло и пол перед кроватью стали черно-красными, а кровь все лилась и лилась. Детдомовские, не обращая внимания на Аркашку и Тоню (пьяный Скворушка куда-то исчез), стояли и молча смотрели.

Никто, даже самые маленькие, не ушли из комнаты.

Парни в халатах, торопясь, перетянули Тамаркину руку резиновыми жгутами и всадили туда огромный шприц, потом начали запихивать между ее раздвинутыми дрожащими ногами куски ваты. Тамарка перестала кричать и захрипела. Из рта у нее потекла пена.

– Уберите детей! – закричал один из парней. – Вы что, идиоты, не понимаете, что здесь происходит?

Тамарку переложили на носилки и набросили на нее колючее одеяло. Парни перемигнулись, крикнули, подхватили носилки и осторожно понесли их вниз по лестнице. Тамарка замолчала и лежала как мертвая.

Щеки ее стали странного, почти синего цвета. Колька посмотрел под ноги и увидел на полу кусок чего-то дрожащего, скользкого, похожего на сырую печенку. Он понял, что это вывалилось из Тамарки, когда ее укладывали на носилки, и его затошнило. Их разогнали по кроватям, но спать никто не мог. Наутро бледный, как мука, директор кричал в телефонную трубку: «Откуда я мог знать», «Никогда ничего подобного» – так громко, что слышно было через закрытую дверь. Приехал чужой дядька в кожаном пиджаке, щека залеплена пластырем,

и прошел прямо в директорский кабинет. Через десять минут туда гуськом вошли все учителя, кроме Скворушки, которого уже увезли куда-то на другой машине.

К середине дня весь детдом – включая самых маленьких, восьмилетних, – знал, что Тамарка-бакинка умерла в больнице, потому что воспитатель старшей группы Скворушка сделал ей ребенка, и начиная с лета, два раза в неделю, Тамарка возвращалась в спальню только под утро, вся в засосах, растрепанная, красная, и пахло от нее, как из винного магазина. Кто-то из девочек громко сказал незнакомое слово «выкидыш», и Колька вдруг понял, что окровавленная печенка на полу и была куском этого самого «выкидыша». Тамарка что-то сделала с собой, чтобы ребенка не было, он стал мертвым внутри Тамарки и вывалился из нее вместе с кишками. Все это Колька понял, конечно, но ему не стало менее страшно оттого, что он все понял.

В понедельник Тоня Недорезанная собрала детдомовских в самой большой комнате, которая называлась актовым залом (в углу пылилось сморщенное знамя!), и сказала таким голосом, словно она только что научилась говорить:

– Ребята, у нас случилось большое несчастье. После тяжелой болезни скончалась ученица девятого класса Тамара Тебуллаева.

– Какой болезни? – гаркнул Сенька по кличке Ханыга. – Ничем она не болела! Скворец ее... – И выкрикнул слово, которое все знали, и Колька тоже.

Недорезанная сделала вид, что не расслышала, и продолжала, обращаясь к сморщенному знамени в углу:

– Дорогая Тамара! Обещаем тебе никогда не забывать тебя и постараемся быть такими же хорошими, честными и отзывчивыми, какой была ты...

Колька вспомнил, как неделю назад Тамарка-бакинка устроила темную другой девчонке, Любке, которая залезла к ней в тумбочку за хлебом. Тамарка избила Любу так, что та целый день не вставала с кровати, а когда встала, на нее было страшно смотреть.

– Завтра, – громко проглотив слюну, сказала Недорезанная, – мы проводим Тамару Тебуллаеву в последний путь...

Утром гроб привезли из морга и поставили в актовом зале.

Решили сделать торжественные проводы, чтобы отвлечь внимание детдома от причины Тамариной смерти. У гроба стоял сгорбившийся, маленький директор в черном костюме. У него тряслись руки. Рядом с директором, словно приставленный к нему конвой, возвышались две сердитые грудастые женщины в очках. Директор начал было говорить, но споткнулся, затрясся и заплакал, показывая рукой на то, что было в гробу. Больше всего на свете Колька боялся, что нужно будет подойти и заглянуть внутрь. Заиграла печальная музыка, и детдомовские потянулись прощаться.

Подходили по одному, замирали над мертвой Тамаркой, отходили и возвращались в линейку. Все были испуганы, пришиблены и не произносили ни слова.

Колька подошел предпоследним. В гробу лежала незнакомая старуха с ярко накрашенными щеками и губами. Только пушок над верхней губой, мохнатые ресницы и остатки малинового лака на ногтях говорили о том, что когда-то эта старуха была Тамаркой. От страха Кольку качнуло вперед, к самому гробу. Чтобы не упасть, он вытянул вперед руку, ища точку опоры, и дотронулся до ледяного и гладкого. Это был Тамаркин палец, прикрытый розовой гвоздикой.

«Значит, вся она, – ужаснулся Колька, – вся холодная, как этот палец, холоднее снега, холоднее льда, – и совсем по-другому, потому что снег и лед – живые и, если подержать на них ладонь, начнут таять и станут водой...»

На следующий день его забрали домой. Директора не было, завуча тоже. Трое незнакомых людей, которых он уже неделю настойчиво называл про себя жуткими словами «мать», «отец», «бабушка Лариса», приехали на такси. Колька стоял, прижавшись лбом к стеклу,

и почти ничего не видел – так обморочно и больно колотилось сердце. Он только разглядел, что мать была в большой синей шапке.

Ноги его приросли к полу, и поэтому, когда Аркаша-Какаша приоткрыл дверь и пробормотал: «Давай выходи, Николай», он не тронулся с места.

– Ну, вот и мы, Коля, – твердым громким голосом сказала женщина в синей шапке, – собирайся, пойдем домой.

Она крепко взяла его за руку с одной стороны, отец – с другой. Бабушка Лариса забежала вперед, словно боясь, что ее забудут.

– Попрощайся со своими друзьями, Коля, – приказала мать. – Мы подождем тебя внизу. – Понишила голос: – Пусть он чувствует себя свободным. Если мы будем рядом, он не сумеет произнести того, что нужно.

Колька ничего и не произнес. Козел и Самолет играли в карты на кровати, Хрипун спал, остальных просто не было. Пошли, как всегда, в город поживиться. Колька постоял в дверях, посмотрел на них, а они на него.

– Чего уставился, недомерок? – спросил Козел.

– Так, – ответил Колька.

– Гони четвертак, – пробормотал Самолет, и Колька закрыл за собой дверь.

В коридоре ему велели снять ботинки. Квартира была большая и вся блестела. На одной стене – зеркало, на другой – картина. Красный ковер, синий ковер, потом цветы, много цветов, и тоже блестят. На потолке разные стекляшки. Люстры.

– Вот мы и дома, Коля, – сказал отец и почему-то засмеялся, – проходи, сейчас мы тебе покажем, где твоя кровать, шкаф, все дела.

Его привели в комнату поменьше, чем та, первая, и он увидел кровать под клетчатым одеялом, рядом – еще одну кровать, розовую, с подушками, письменный стол, лампу с выкрутасами, вещи какие-то, фотографии.

– Это ваша с бабушкой комната, – сказала мать. – Тут все, что тебе нужно: твоя тумбочка, полка для любимых книг, здесь ты будешь делать уроки. А пока что иди в ванную, умойся, и будем обедать.

Ничего не понимая, он пошел туда, куда она сказала, и увидел такое, что даже зажмурился: белое-белое, много разных полотенец, зеркало, разноцветное мыло и пахнет так, что голова кружится. Он прислонился затылком к стене и тут же услышал голос Скворушки: «Наблевали в туалете, говнюки, а кто подтирать будет?» Тогда он изо всей силы затряс головой, и голос Скворушки кончился.

Котлета с картошкой, свежий огурец.

– Хочешь еще? Так нельзя отвечать, Коля. Что значит «хочу»? Нужно сначала сказать «спасибо», а потом уж «хочу». Хочешь еще котлету? Что ты молчишь? Скажи: «Хочу, спасибо» или «Большое спасибо, хочу».

– Дай пожрать парню, с воспитанием можно повременить.

– Пожалуйста, Леня, не делай мне замечаний при ребенке, если тебе что-то не нравится, скажешь потом. Ну, так что, Коленька: еще котлету?

– Нет.

– Почему нет, ты же хотел?

– Я тебе говорю, ты его запугала, парень только-только вырвался, у него небось все поджилки трясутся, а ты с глупостями.

– Леня, я просто сейчас встану и уйду! Если ты еще раз посмеешь сделать мне замечание при ребенке, я умываю руки. Это базис, понимаешь? Это нужно застолбить с самого начала.

Чувство благодарности, правдивость и чувство уважения к старшим. Все остальное надстраивается. Так что, Коля, еще котлету?

– Хочу, спасибо.

– Вот молодец. Видишь, как просто.

Отец передернулся, отодвинул свою тарелку, встал и ушел. Бабка и мать переглянулись. У матери стало красное лицо, у бабки – белое.

Потом бабка побежала на кухню и вернулась с огромным тортом, который он видел только в кино и на витрине. Отец тоже пришел. Мать сжалась.

Отец положил руку ему на плечо. Рука была как железная. Только бы они не передумали, не выгнали меня. Очень хочу, спасибо, очень, спасибо большое, большое, хочу.

...Ночью он увидел Тamarку-бакинку. Ресницы ее бросали тень на белые щеки. Тamarка стала вновь похожей на саму себя, только она уже не была той дикой, свирепой Тamarкой, которая до крови избила Любку, укравшую у нее хлеб. Она сидела на коленях у седого старика с очень добрыми глазами и плакала. Сквозь слезы она бормотала ему что-то на незнакомом языке, но Колькина душа понимала каждое слово.

«Дед, – захлебывалась Тamarка, – я бросила тебя и побежала, потому что боялась, что они надругаются надо мной. А потом я вернулась, дед, но ты был уже мертвый, и рот твой был забит землей. Я легла рядом и хотела умереть, потому что, кроме тебя, у меня никого не было. Но они меня вытащили и поволокли, а потом я ничего не помню...»

Старик прижимал к себе Тamarкину растрепанную голову и стонал.

«Я попала в Москву, и этот грязный козел сделал то, чего не сделали даже они... Как я могла жить после такого стыда? Как бы я посмотрела тебе в глаза, если бы ты не умер, дед?»

Колька не выдержал и закричал во сне – настолько жалко ему стало плачущую Тamarку и доброго старика, которого и Колька хотел бы назвать «дедом», если бы только тот его услышал.

От его крика в доме переполошились, зажгли свет. Первой вскочила бабушка Лариса, спавшая на своей розовой кровати в той же самой комнате, за ней прибежала мать Вера в кружевном халате, с блестящим от жира чернобровым лицом.

– Кричит! – говорила взволнованно бабушка. – Бужу – не просыпается! Растолкала с трудом, посмотри на него! Горит ребенок, жар!

– Врача надо, скорее «Скорую»! – забегала мать и схватила телефонную трубку.

– Не надо, – грубо оттолкнул ее подоспевший, заспанный и злой отец и, как перышко, вынул Кольку из постели, – ты чего, Николай? Приснилось что-нибудь?

У Кольки громко застучали зубы.

– Ну, ладно, ладно, – смягчившись, сказал отец, положил его обратно на кровать и накрыл одеялом. – Воды хочешь? Принеси ему водички, Вера.

Прошло две недели. Колька постепенно привык к тому, что у него есть отец и мать. Если бы его, не дай бог, спросили: «Любишь их, Коля?» – он бы, не задумываясь, ответил: «Люблю».

Но что такое «люблю», он не смог бы объяснить, потому что, по привычке чувствовать страх, он и сейчас его чувствовал, в то время как любовь болталась где-то на стороне и страху не мешала.

Больше всего он боялся, что отец и мать передумают жить с ним в одной квартире и отдадут его обратно в детдом. Еще он боялся, что обнаружится ошибка и станет известно, что их родной сын вовсе не Колька, а другой парень.

Бабушка Лариса Владимировна была воспитательницей в детском саду. Не так давно она вышла на пенсию и стала помогать своей единственной дочери Вере вести домашнее хозяй-

ство. Несмотря на относительную молодость, Вера уже защитила кандидатскую диссертацию на тему «Возможности преодоления детских травм» и работала в Ленинском педагогическом институте, где три года назад встретила своего будущего мужа Леонида Борисовича Бабаева, доктора наук и тоже специалиста по психологическим травмам у детей и подростков.

Леонид Борисович считался старым холостяком и вовсе не собирался жениться. Но когда волевая и одновременно застенчивая Вера пригласила его к себе домой на чашку чая, Леонид Борисович оказался приятно поражен богатой и ухоженной квартирой в Мерзляковском переулке, прекрасной мебелью, коврами и картинами. На его удивленно приподнятые брови мать Веры, хлопотливая, приветливая женщина, не такая уж старая, но совершенно не молодящаяся и поэтому казавшаяся значительно старше своих лет, рассказала, что ее покойный отец был грузинским артистом, до того похожим на Сталина, что его даже гримировать было незачем. За это сходство артисту хорошо платили, а на съемки возили по ночам и только на правительственной машине с затемненными стеклами. После смерти Сталина Верин дед почему-то решил, что теперь он и есть вождь и учитель, и стал приставать к прохожим на улицах, демонстрируя хищный профиль и улыбку. В конце концов обезумевшего актера пришлось поместить в лечебницу для душевнобольных, где он и скончался, до последнего дня называя себя Иосифом Виссарионовичем и беспокоясь за положение на Сталинградском фронте. После его смерти жене и дочери осталась просторная квартира, завешанная коврами, как грузинский замок.

Бабка (то есть дочь) ненадолго вышла замуж и родила Верочку, потом разошлась с мужем, потом похоронила свою собственную мать, вдову многострадального артиста, и целиком посвятила себя воспитанию дочери. Жила она скромно, экономно, но, так как добра было все-таки очень много, Верочке ни в чем не отказывала и научила ее и музыке, и фигурному катанию – короче, дала настоящее воспитание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.